Николай Руденко

Сети, знание и реальность: проблематика социальной топологии в концепции Джона Ло

В этой статье рассматриваются концептуальные инновации Джона Ло, к которым автор относит понятия дополнительных реальностей, пространства (места) знания и hinterland. Автор демонстрирует, как знание, перформативно производящее реальность наиболее убедительным образом, получает возможность воссоздать себя в виде сети.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория, hinterland, место знания, пространство знания, дополнительные реальности, семиотика материальности, Инаковость, Джон Ло, Брюно Латур, Всемирные выставки.

Введение

Американский историк технологий Томас Хьюз полагает, что ученые и инноваторы делятся на тех, кто создает изобретения, и тех, кто их развивает и распространяет [Hughes 1987: 53–55]. Эту же логику с некоторыми оговорками можно перенести на социальные науки. Герой нашей статьи Джон Ло выступает скорее в роли промоутера акторно-сетевой теории (Actor-Network Theory, ANT), нежели ее создателя и идейного вдохновителя. Действительно, когда речь заходит об ANT, чаще вспоминают парижских теоретиков Б. Латура и М. Каллона. Ло и многочисленным представителям ланкастерской ветви уделяется гораздо меньше внимания.

Между тем за годы работы в русле ANT Джон Ло успел многое. Во-первых, приложил немало усилий, чтобы не дать теории превратиться в косную идеологию [Actor Network Theory 1999: 2–3]. Во-вторых, попытался соединить ANT и радикальные течения вроде киберфеминизма и различных видов неомарксизма [Actor Network Theory 1999: 11]. В-третьих, Ло одним из первых начал рефлексировать над метафизическими принципами ANT, пытаясь найти

Николай Иванович Руденко — аспирант Социологического института РАН, выпускник исторического факультета и программы изучения науки и технологий (ЕУСПб, 2013). Научные интересы: социология пространства, социология материальности, социология музеев, исследование науки и технологий.

родственные направления (обнаружив их, в частности, в романтизме и постструктурализме) [Law 2004: 8]. В-четвертых, попытался расширить географический ареал распространения ANT, внедряя соответствующие теоретические установки, например, в Южной Корее [Law 2011]. В-пятых, постарался применить ANT в массе разнородных областей — от исследований ритуалов и барочных пространств до взаимоотношений людей и животных, привлекая огромное число ученых, готовых по-новому взглянуть на эти сферы[1]. Отдавая должное объему проделанной работы, можно задаться вопросом, в чем заключается теоретический вклад Ло в ANT. Какие концепты и метафоры он лично предложил? [Law 2004: 8]

Для начала опишем базовый концептуальный аппарат, на который опирается Ло в своих разработках. Прежде всего это семиотика. В отличие от Латура и Каллона, которые пользуются термином с большой осторожностью, Ло вслед за Донной Харауэй прямо характеризует ANT как material-semiotics [Actor Network Theory 1999: 3], прикладную семиотику материальности[2]. Он утверждает, что объекты (акторы в сети) приобретают форму и усваивают атрибуты исходя из отношений с другими объектами (акторами) [Вахштайн 2006: 25]. Материальный аспект заключается в том, что семиотическая логика, прежде имеющая отношение только к языку, распространяется на вещи. Объекты, соединенные семиотическими отношениями, организуют особое материально-семиотическое пространство.

Другой концепт, которым пользуется Ло, полемически заострен уже не только против Латура, но и против П. Бурдье. Речь идет о социальной топологии (термин ввел Бурдье) [Bourdieu 1989: 16] в новой трактовке. Ученый предлагает изучать формы социальной пространственности, которые создаются различными типами объектов [Социология вещей 2006: 38]. Ло пользуется математическим понятием гомеоморфности (то есть способности фигур сохранять самотождественность при изменении формы), которая создается определенным набором правил игры. Если Латур и Каллон говорят о сети как исчерпывающей *метафоре* взаимоотношений между акторами, то Ло выделяет еще два пространственных образа — регион и пространство потоков [Ло 2006: 236], причем последний для мыслителя особенно важен. Классический пример объекта в пространстве потоков — кровь. Кровеносную систему можно представить

1 Составить представление о многообразии исследований Ло можно, ознакомившись с сайтом www. heterogeneities.net.

2 Латур не открещивается от семиотики, более того, именно из семиотики он почерпнул понятие актанта и индифферентное отношение к разделению людей и вещей. Однако столь широкого использования этого понятия, как Ло, у Латура нет.

как сеть, в которой в определенных взаимоотношениях находятся вены и артерии, сердце и капилляры. Постоянство пространства сети обеспечивается движением крови, которое в то же время поддерживает существование другого пространства — регионального (пребывающего в евклидовых координатах), то есть тела, которое обладает способностью двигаться и действовать [Mol, Law 1994].

Развивая идеи романтизма и постструктурализма, Ло не скрывает скептицизма по отношению к традиционным методам социальных наук и новоевропейской эпистемологии, реализму в целом. Ло полагает, что в их основе лежат аксиомы, провозглашающие существование реальности, независимой от нас, предшествующей нашим действиям, единой для всех, выражающей себя в определенных формах, пригодных для познания и пассивно его ожидающей [Law 2004: 24]. Однако подобные допущения отнюдь не универсальны. Познание, основанное на иных постулатах, наблюдается не только в неевропейских культурах — и внутри новоевропейской науки существовали идеи, противоположные перечисленным. Например, упомянутый романтизм предполагает, что «реальность настолько богата, что не может быть сведена к некоторой единой точке зрения» [Law 2004: 163]. Следовательно, познание есть со-созидание, со-творение, которое изменяет объект вместе с его познанием [What is Romantism: 7]. Для опровержения реализма Ло также задействует идеи постструктурализма, который он интерпретирует в духе критики метафизики «настоящего» (присутствующего): присутствие (например, структура), пишет Ло, обязательно требует некоторое отсутствие (исключение). Однако диалектика присутствия/отсутствия, выраженная в форме потока, всегда имеет границы, на которые указывают такие понятия, как «дискурс», «эпистема» и т. д. [Law 2004: 162].

Отталкиваясь от перечисленных идей, Ло конструирует собственные концепты, наиболее важными среди которых являются дополнительные реальности, пространство (место) знания и hinterland.

Диалектика присутствия/отсутствия

Хронологически первым появляется понятие *hinterland*[1]. Этим термином Джон Ло маркирует набор «неопределенно расширяющихся и более-менее рутинизированных словесных и материальных отношений, которые включают утверждения относительно реально-

1 Термин может обозначать внутренние районы страны, удаленные от берега территории, глубокий тыл и т. д. Поскольку ни одно из этих значений не исчерпывает поднятую проблематику, мы оставляем термин без перевода.

сти и реальности сами по себе». Hinterland включает записывающие устройства (inscription devices) и устанавливает топографию возможности и невозможности. «Hinterland, — пишет Ло, — является конкретной метафорой отсутствия и присутствия» [Law 2004: 160]. Таким образом, hinterland есть скрытая сеть реальностей, которые стоят за определенным утверждением и гарантируют его правдоподобие.

Возьмем, к примеру, цитату из статьи о бабочках в журнале National Geographic: «Науке давно известно, что яркими цветами бабочки обязаны не только пигментам. Их может создавать также свет, который, отражаясь от определенных структур тела, рассеивается или интерферирует. Исследователи из Йельского университета обнаружили подобную структуру у пяти видов бабочек. Это героид, комплекс трехмерной формы, один из самых эффективных природных способов трансформации пространства» [Природа цвета 2011: 36]. Из прочитанного можно сделать следующий вывод: *«Некоторые виды бабочек имеют определенную структуру тела, называемую героид, которая отражает и рассеивает свет»*. Высказывание кажется правдоподобным в силу того, что за ним стоит сеть других утверждений (и реальностей), а также материальных отношений, которые его поддерживают. К примеру, в начале отрывка говорится: «Науке давно известно, что яркими цветами бабочки обязаны не только пигментам» [Природа цвета 2011: 36]. Этот тезис создает возможность производить легитимные утверждения о наличии героида, поскольку, согласно ему, ученые *давно* информированы, что бабочки взаимодействуют со светом не только при помощи пигментов. Фраза о рассеивании света также является утверждением, которое принимают как само собой разумеющееся (мы знаем из школьного курса физики, что свет, проходя через определенные структуры реальности, действительно рассеивается и интерферирует). В-третьих, ссылка на исследователей из Йельского университета еще больше убеждает в том, что перед нами научный факт.

Важно, что голословными утверждениями статья не ограничивается. Рядом с текстом мы видим фотографии бабочек в различном масштабе, где стрелками обозначены героиды, а также рисунок (не фотография!) самого героида. Иллюстрации суть утверждения о реальности и в тоже время сами реальности, репрезентированные визуально, а не в форме текста[1]. Если прочесть подписи, можно узнать о материальных объектах, которые способствуют повышению правдоподобности существования героида. Это растровый электронный микроскоп,

1 Ло говорит о том, что вместе с некоторым утверждением о реальности мы имеем дело и с самими реальностями, то есть они пребывают друг с другом в семиотических отношениях означающего и означаемого.

позволившая раскрасить крыло бабочки компьютерная программа, сделавшая фотографии аппаратура и, наконец, сканер, который их оцифровал. Перечисленные объекты тоже входят в hinterland. Они суть записывающие устройства, системы для производства следов материального объекта (в данном случае — бабочки) в разных формах (фотографии, тексты, графики, модели и т. д.) [Law 2004: 160]. Помимо этого, стоит отметить, что hinterland включает в себя и социальный элемент, и даже политический. Скажем, ученым из Йельского университета мы верим больше, чем сотрудникам менее известного научного института: здесь проявляются властные/репутационные отношения.

Повторимся: Ло указывает, что отношения элементов hinterland носят «неопределенно расширяющийся» характер. Это связано с тем, что в hinterland входят не только научные утверждения, но и метафизические допущения, которые вытекают друг из друга. Например, бабочки существуют, у бабочек есть крылья, у крыльев есть определенные структуры. Если бабочки существуют, то есть бабочки — часть реальности, значит, реальность существует (как минимум в виде бабочек и ученых, которые их изучают). Более того, реальность можно изучать — взять насекомых, умертвить, а затем с помощью особых устройств анализировать структуры их крыльев. Таким образом, статья демонстрирует пресловутый реализм. Журнальный текст прямо говорит: «Пока из героидных цветов нам известен только зеленый, но, как убежден Ричард Прам, их больше» [Природа цвета 2011: 36]. Это ли не черты реализма? В этом утверждении героиды наделены онтологией и предстают как независимая от нас реальность, существующая в виде «определенных структур» и ожидающая появления ученых Йельского университета.

Далее, hinterland постоянно изменяется, превращаясь благодаря научному и техническому прогрессу в «черный ящик». Этот термин, который активно используется в ANT, заимствован из кибернетики и означает такое состояние связанности сети, в котором она воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Например, никто не будет спорить с утверждением, что у бабочек есть специальные пигменты. Большая часть hinterland представляет собой такие утверждения о реальности и сами реальности, которые принимаются на веру. Здесь Ло следует романтической традиции, которая предполагает, что познающий участвует в со-творении реальности. Прочитав слова «ученые Йельского университета», мы верим, что реальность такого университета существует и она увязана с реальностью крыльев бабочки[1].

1 Таким образом, Джон Ло выступает как своеобразный «конструктивный реалист»: говоря, что реальность существует, он отводит функцию ее существования возможности ее конструирования.

Все реальности, возникающих в hinterland, Ло называет дополнительными, *collateral realities* [Law 2009]. Их вызывают к жизни действия, точнее — *практики*, то есть обнаруживаемые и определенным образом выстроенные материально-семиотические отношения [Law 2009]. Это определение, на наш взгляд, страдает неполнотой. Главное свойство практик — перформативность, способность действовать. Важно, что действует не только тот, кто творит реальности (скажем, лектор, показывающий слайд), но и тот, кто участвует в со-творении (тот, кто слушает и смотрит).

В качестве примера со-творения дополнительных реальностей приведем отрывок из книги историка В. В. Лапина «Петербург: запахи и звуки»: «Невероятный грохот и звон, звуки рожка, громадные храпящие кони, все в мыле, красные, сверкающие медью повозки с лестницами и баграми, клубы дыма с искрами из паровой помпы, блестящие медные каски пожарных и никелированные каски пожарных офицеров — такую яркую, впечатляющую картину горожане видели практически ежедневно» [Лапин 2009: 57]. Текст можно представить как практику собирания сети отношений между различными реальностями. Эту сборку можно проанализировать в духе Ло, вычленив ряд манипуляций [Law 2009]. Во-первых, реальности *отбираются (selection)*: из всего списка явлений, связанных с выездом пожарной команды, Лапин целенаправленно и произвольно выбрал определенные. Во-вторых, реальности *со-полагаются (juxtaposition)*. Такое со-положение (звон, храпящие кони, клубы дыма) создает живую картину. В-третьих, ненужные реальности *исключаются (deletion)*. Лапин мог бы включить в свою сеть бочки с водой, различить среди горожан дам и детей, однако ограничивается сказанным. В-четвертых, реальности *ранжируются (ranking)* (сначала кони, затем повозка, наконец пожарные), в-пятых — *фреймируются* (framing) в форме текста. Чтение производит и другие реальности, помимо манифестируемых, например реальность истории. Читатель верит, что реальность, воспроизведенная в книге, столь же реальна, как та, в которой он книгу читает (если не предположить, что со-творцы фантазируют или не верят в историчность пожарных команд).

Таким образом, практики сопрягают некогерентные[1] реальности (в примере с бабочками — героид и Йельский университет, то есть мир насекомых и людей, или растровый микроскоп и пигмент, то есть миры технологий и природы).

Изменчивая игра отсутствия и присутствия, захватывающая новые реальности и вычеркивающая старые, производит простран-

1 Некогерентные, по Ло, означает не сводимые к одному «домену», к одной метрике, то есть гетерогенные [Law 2011a].

ство, в котором рождается знание. Согласно Ло, знание не есть репрезентация реальности или ее субъективный образ, выраженный в представлении или понятии. Скорее, это эффект сети отношений, итог материально-семиотического взаимодействия объектов.

Пространство знания

Для описания пространства знания Ло использует два понятия: knowledge place и knowledge space. Оба связаны с топологическим измерением, но отсылают к различным идеям: локальности (месту) и пространственности. Локальность (place) соотносится с четко очерченными границами. Скажем, опушка леса — это место, ограниченное лесом и полем. Важно, что локальность множественна; Ло подчеркивает, что Европа (Запад, Восток...) — лишь одно из мест, где производится знание [Law 2011b]. С другой стороны, локальность, представленная в виде места, есть *регион*, то есть вид пространственности [Ло 2006: 236].

При этом Ло утверждает, что пространство знания есть все, что подразумевает форма знания (form of knowledge)[1].

Отвечая на вопрос, почему некоторые формы знания привязаны к определенным местам (например, технонаука или христианство)[2], Ло указывает, что формы порождаются сетями отношений между гетерогенными объектами. Сеть может меняться, но гомеоморфность объектов поддерживает целостность пространства знания. На практике ситуация осложняется пресловутой гетерогенностью: объекты (вещи, идеи, люди) часто некогерентны друг другу. В научном знании эта сложность преодолевается посредством аргументации, то есть производства дополнительных суждений о реальности, которые усиливают выдвинутый тезис и подтверждают легитимность существующей связи между объектами[3]. Подтверждение и усиление происходит за счет обращения к другим

1 Повторимся, Ло не устраивает репрезентационная концепция знания. В его теории знание есть результат отношений между гетерогенными объектами. Познание — способ изменить эти отношения.

2 Ло не поясняет, что он имеет в виду под формой знания, но, судя по примерам, мы имеем дело с понятием, сходным с понятием дискурса у М. Фуко. Ло интерпретирует его следующим образом: «In its Foucauldian version, a set of relations of heterogeneous materiality, that recursively produces objects, subjects, knowledges, powers, distributions of power. Discourse is productive. At the same time it sets limits to what is possible or knowable» [Law 2004: 159].

3 Это можно было бы назвать «аргументационный hinterland».

2 Джон Ло следует ANT и исключает дихотомию субъекта-объекта из пространства знания путем соединения репрезентаций знаний и навыков восприятия того, кто познает [Law 2011b: 8].

суждениям о реальности, иным реальностям. Всего исследователь выделяет четыре элемента пространства знания, которые можно представить в виде таблицы (см. таблицу 1) [Law 2011b: 8].

Таблица 1. Элементы пространства знания

Элементы	Примеры
Репрезентации реальностей (presences) и коммуникационные навыки (означающее)[1]	Тексты, графики, таблицы, карты, рисунки, фотографии, способность видеть, воспринимать, рефлексировать, представлять, воображать и т. д.
Сами реальности (означаемое)	Реальности, к которой отсылают примеры репрезентаций и навыков
Практическое (социальное и материальное, взятые вместе)	Социальные институты, социальные группы и сообщества, компьютеры, журналы, статьи, редактор и т. д.
Метафизическое	Таксоны и разделения (социальное/природное, человек/животные, индивид/структура, макро/микро и т. д.) Метафизическая рамка (реализм, романтизм, постструктурализм)

Используя таблицу и концепт пространства знания, попробуем понять, что инструментарий Ло может дать в анализе такого культурного феномена, как Всемирные выставки XIX века.

Отсылая интересующихся к специализированным изданиям [Мезенин 1990; Дианина 2002: 107–125; Соколов 2011: 67–80; Соколов 2003: 78–86; Иноземцева; Орлов 1900; Mitchell: 217–236; Burton 1991: 5–9; De Cauter 1993: 1–23], напомним, что исследователи вписывали Всемирные выставки в различные контексты[1] (империализм, национализм, колониализм, развитие массовых коммуникаций и др.), однако никто не пытался проанализировать явление как пространство

1 В этом смысле можно было бы сказать, что ученые также являются не нейтральными наблюдателями, а заинтересованными акторами, плетущими свои исследовательские сети.

знания. Чтобы ликвидировать пробел, необходимо для начала ответить на вопрос, какие объекты формируют данную форму знания.

Слово «выставка» предполагает экспозицию некоторых объектов. Когда феномен зарождался, в качестве экспонатов главным образом использовались продукты и средства промышленного производства: необработанные материалы, машины и схемы их работы, чертежи заводов и фабрик [Tenkotte 1978: 9]. Выставки были организованы по типу музеев и панорам, воспроизводя изобретенную в конце XVIII века культурную форму. Следуя логике Просвещения, они являли собой пространства, в которых можно классифицировать и сопоставить самые разные предметы (в идеале — любые). Изобилие экспонатов формировало новый способ восприятия, продиктованный переменами в эстетике, искусстве [De Cauter 1993: 10]. Таким образом, выставки сопрягали и объекты восприятия, и субъектов с их изменчивыми практиками.

Кроме того, важным элементом рассматриваемого пространства знания являются реальности, к которым отсылали экспозиции. К примеру, часть Парижской выставки 1867 года была посвящена «истории труда», где посетители могли ознакомиться с профессиональной деятельностью рабочих, их инструментами производства и досугом. Схожим образом манифестировались не только трудовая реальность[1], но и идентичности стран и народов [Burton 1991: 7]. Так, Россия в 1900 году демонстрировала Сибирскую железную дорогу и представляла аттракцион, на котором все желающие могли совершить виртуальное путешествие по стране. Можно сказать, каждый экспонат находился в выставочном пространстве и одновременно представлял реальность, для конструирования которой был привезен.

Практический элемент выставок охватывал обширную сеть людей, вещей, идей, объединенных общими практиками. Ее сборку можно проиллюстрировать на примере участия России в Парижской выставке 1900 года. Получив дипломатическое приглашение, император указом учреждал специальную комиссию, которую возглавлял председатель. Последний назначал генерального комиссара выставки и его помощников. Затем комиссия готовила проект участия, планируя финансовые затраты, сроки, число участников, правила транспортировки экспонатов и многое другое. На базе утвержденного проекта в газетах публиковались объявления с приглашением всех желающих к участию, рассылались личные письма важным персонам и организациям. Генеральный комиссар дого-

1 Эта реальность, конечно, не была реальностью в онтологическом смысле, скорее конструированным образом реальности.

варивался с французскими организаторами о местах для павильонов, нанимал архитекторов, декораторов, рабочих и посредников. Не стоит упускать из виду роль материальных объектов: требовались паровозы и пароходы, чтобы перевозить предметы и людей, ящики, чтобы сохранить объекты, витрины, чтобы привлекать внимание. Если организаторы хотели удивить, произвести впечатление богатства и экзотики, прогресса и цивилизованности, требовалось считаться с вещественной природой экспонатов. Скоропортящиеся товары нужно было скорейшим образом доставить и выставить на конкурс, фотобумага и произведения искусств нуждались в особых условиях перевозки и хранения. Таким образом, практический элемент выставок имел первостепенное значение.

Не меньшую роль играла и метафизическая составляющая. Разбирая трансформацию таксонов мышления, П. Тенкот замечает, что к концу XIX века идея универсальности человечества была вытеснена концептом национализма как разнообразия и гетерогенности культур, привязанных к месту. Культурная диверсификация, переплетенная с демонстрацией доминирующих позиций ведущих стран [Burton 1991: 9], получила явное выражение на выставках. Среди других конструктов современности, получивших выражение в рассматриваемом пространстве знания, следует отнести глобализацию, капитализм, консьюмеризм, развитие средств массовой информации и т. д.

Какую картину можно различить, используя оптику Ло? Неисчислимое множество разноприродных объектов (актантов): экспонаты, люди, идеи, практики, социальные институты, документы — все они создавали хрупкую и подвижную вселенную Всемирных выставок. Употребив термин М. Роше, можно сказать, что мегасобытие формировалось миллионами микрособытий, встреч людей и вещей. Или, на языке Ло, выставки порождались столкновением многочисленных потоков, постепенно формировавших сети и, наконец, регионы, оставшиеся в памяти людей в качестве одного из главных символов XIX века.

Что дает использование концепта пространства знания для понимания сущности знания и процесса его трансляции? В отличие от социально-конструктивистских методов (например, дискурс-анализа), Ло не ограничивается рассмотрением интересов социальных групп и гегемонии властных отношений. Скорее, исследователь пытается выявить форму материально-семиотических отношений внутри пространства, где производится знание. В данном случае оно состоит из сети, куда входят государственные органы, фабриканты, ученые сообщества, а также технологические устройства, тексты, различные концепты и идеи. Мы имеем возможность усвоить взаимоотношения между реальностями и суждениями о них

через практики чтения и просмотра, узнавая в данном случае о российском участии во Всемирных выставках.

Беглый анализ Всемирных выставок подводит нас к еще одному важному концепту Ло: понятию Инаковости (Otherness, Alternity). Его введение связано со стремлением придать метафоре сети, с одной стороны, динамичность, а с другой стороны — ответить на критику акторно-сетевой теории, которая рядом исследователей обвиняется в производстве нового метанарратива. Инаковость есть эмерджентная способность менять поведение сети изнутри сети. Акторы не запрограммированы неким *system-builder*, «сценаристом», напротив, они могут действовать иначе, чем задумано[1]. Ло объясняет изменчивость сети пространственными характеристикам включенных в нее объектов. Пространство потоков по существу своему нестабильно. Вспомним пример крови: поток в теле невозможно остановить — его бег непрерывен и тем поддерживает функционирование организма. Инаковость связана со временем: если у Латура время, как и пространство, есть объект переговоров между акторами, то у Ло время выступает как метафора пространства потоков. Время несет инаковость, оно изменяет отношения между акторами в сетях.

Метафора инаковости у Ло — романтическая, как и ряд других концептов: различные миры (домены), нетранзитивность, гетерогенность. Все они подчеркивают, что мир в своей основе не един (монизм), а множественен, его образуют разнородные сущности, которые изменяются, становясь чуждыми для самих себя.

Чем полезна подобная оптика? Как минимум она дает возможность обратить внимание на акторов, которые по тем или иным причинам еще не были включены в рассмотрение (например, материальные объекты), а также учесть диахронический аспект того или иного явления. Анализируя Всемирные выставки, мы отнеслись к ним как к самотождественному, цельному феномену. Однако более глубокий анализ показал бы, сколь различны акторы и их отношения в каждом конкретном случае, сколь подвержены изменениям в международном, техническом, научном, образовательном и иных пространствах. Эти трансформации производили различные формы знания, которые меняли поведение акторов не только внутри сети выставок, но и за ее пределами: в сетях органов государственного управления, моде, научных сообществах и т. д.

---

1 При этом, несомненно, system-builder как актор, связывающий сеть, играет огромную роль, используя разные способы создания в ней асимметричности. В качестве примера Ло приводит капитализм [Law, Hetherington 2000: 34–49].

Заключение

Собирание сети реальностей в определенную форму, порой принимающую вид «черного ящика», перформативно создает новые реальности (реальность российских павильонов на Всемирных выставках, реальность технических открытий, реальность России как развитой высокотехнологичной державы и т. д.). Однако даже если сеть убеждает нас в существовании реальностей, для их воплощения необходимы другие сети: финансирование для строительства павильона, научные кадры для исследований, университеты для чтения лекций, международное сотрудничество для обмена опытом. Требуются практики по собиранию в сеть большого числа акторов. В сущности, здесь возникает классический эпистемологической вопрос об отношении знания и мира. Ло пишет, что пространство знания имеет свойство изменять реальности [Law 2009], однако он не уточняет, каким именно образом.

На наш взгляд, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к идеям М. Хайдеггера. В работе «Время картины мира» *пред-ставление* трактуется как собирание сущего в опредмеченной форме в единую картину[1]. Философ пишет: «Представление есть поставление перед собой и в отношении к себе (некоторого сущего)», и далее — «Всякое отношение к чему бы то ни было, воление, мышление, ощущение есть прежде всего с самого начала представление, cogitatio» [Хайдеггер 2012]. Последнее понятие, заимствованное у Декарта и обозначающее того, кто мыслит, не есть субъект в смысле «я», скорее это «со-представленность предметной сферы вместе с представляющим человеком в круге им же обеспечиваемого представления» [Хайдеггер 2012]. Это можно интерпретировать в духе формы знания Ло, учитывая тот факт, что ANT лишила человека («меру всех вещей») привилегированного положения. В результате представление людей и опредмеченной сферы превратилось в гибридную социально-материальную форму существования пространства знания (одного из многих), которое производит знание как способ изменения отношения с реальностями. На последний вопрос — для чего? — можно ответить словами Хайдеггера, вынеся за скобки исключительность человека: «Человек борется здесь за позицию такого сущего, которое всему сущему задает меру и предписывает норму» [Хайдеггер 2012]. Иными словами, сети отношений борются с помощью знаний как пред-ставлений друг с другом, чтобы задать собственную меру, или, иначе говоря, утвердить собственную фор-

1 Понятие пред-ставления созвучно идеям Ло: Хайдеггер тоже говорит о некоторой сборке сущего (реальностей) перед субъектом, который находится в кругу опредмеченного сущего [Хайдеггер 2012].

му, которая представляет собой интерактивно-стабилизированные отношения между объектами. Знание, репрезентирующее и перформативно производящее реальность наиболее убедительным образом, получает возможность воссоздавать себя в виде сети, которая будет воспроизводить данное знание. Однако для создания такой сети необходимо устойчивое ядро отношений, без которого «зерно» знания не сможет прорасти.

Библиография

1. *Вахштайн 2006 — Вахштайн В. Джон Ло: социология между семиотикой и топологией//Социологическое обозрение. Т. 5. № 1. 2006.*
2. *Дианина 2002 — Дианина Е. «Вещный мир» Достоевского. Достоевский в Хрустальном дворце//НЛО. 2002. № 57. С. 107–125.*
3. *Иноземцева 2009 — Иноземцева И. Е. Всемирные выставки, их роль и значение//URL: http://analiculturolog.ru/component/k2/item/407-article_40.html (Дата посещения: 09.04.12).*
4. *Лапин 2009 — Лапин В. В. Петербург: запахи и звуки. СПб, 2009.*
5. *Ло 2006 — Ло Дж. Объекты и пространства//Социология вещей/Сборник статей под ред. В. Вахштайна. Москва, 2006.*
6. *Мезенин 1990 — Мезенин Н. А. Парад Всемирных выставок. М.,1990.*
7. *Мезенин 2003 — Мезенин Н. А. Санкт-Петербург-Ленинград на Всемирных выставках в Америке (1876-1939 годы)//История Петербурга. 2003. № 6 (16). С. 78–86.*
8. *Орлов 1900 – Орлов М. А. Всемирная парижская выставка 1900 года в иллюстрациях и описаниях. СПб., 1900.*
9. *Природа цвета 2011 — Природа цвета//National Geographic — Россия. 2011. Январь.*
10. *Соколов 2011 — Соколов А. С. Санкт-Петербург на Всемирных выставках в Лондоне в 1851 и 1862 гг.//Вопросы музеологии. 2011. № 1(3). С. 67–80.*
11. *Социология вещей 2006 — Социология вещей/Сборник статей под ред. В. Вахштайна. Москва, 2006.*
12. *Хайдеггер 2012 — Хайдеггер М. Время картины мира//URL: http://www.philosophy.ru/library/heideg/time-pict-world.html (дата посещения: 24.03.12).*
13. *Actor Network Theory 1999 — Actor Network Theory and After/Ed. By John Law and John Hassard. Blackwell Publishers, 1999. P. 2–3.*
14. *Bourdieu 1989 — Bourdieu P. Social Space and Symbolic Power//Sociological Theory. 1989. Vol 7. № 1.*
15. *Burton 1991 — Burton B. International Exhibitions and National Identity// Anthropology Today. 1991. № 7.*
16. *De Cauter 1993—– De Cauter L. The Panoramic Ecstasy: On World Exhibitions and the Disintegration of Experience//Theory, Culture and Society. 1993. №10. С. 1–23.*
17. *Hughes 1987 — Hughes T. The Evolution of Large Technological Systems//Wiebe E. Bijker, Thomas P. Hughes and Trevor Pinch, eds., The Social Construction of Technological Systems. Cambridge, MA: MIT Press, 1987. P. 53–55.*
18. *Law 2004 — Law J. After Method: Mess in Social Science Research. Routledge: Taylor and Francis Group, 2004. P. 8.*

19. **Law 2009** — *Law J. Collateral realities//URL: http://www.heterogeneities.net/publications/Law2009CollateralRealities.pdf (дата посещения: 24.03.12).*
20. **Law 2011** — *Law J. What's Wrong with a One-World World//URL: http://heterogeneities.net/publications/Law2011WhatsWrongWithAOneWorldWorld.pdf (дата посещения: 24.03.12).*
21. **Law 2011a** — *Law J. The Explanatory Burden: an Essay on Hugh Raffles' Insectopedia// URL: http://www.heterogeneities.net/publications/Law2011ExplanatoryBurden.pdf (дата посещения 22. 03.12).*
22. **Law 2011b** — *Law J. Knowledge Places// URL: http://www.heterogeneities.net/publications/Law2011KnowledgePlaces.pdf (дата посещения 24.03.12).*
23. **Law, Hetherington 2000** — *Law, J., Hetherington K. Materialities, Globalities, Spatialities//Bryson J., Daniels P., Henry N. and Pollard J. (eds) Knowledge, Space, Economy. London: Routledge. 2000. P. 34–49.*
24. **Mitchell** — *Mitchell T. The World as Esxibition//Comparative Studies in Society and History. Vol. 31. № 2. P. 217–236.*
25. **Mol, Law 1994** — *Mol A., Law J. Regions, Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology//Social Stuies of Science. 1994. Vol. 24.*
26. **Tenkotte 1978** — *Tenkotte P. A. Kaleidoscopes of the World: International Exhibitions and the Concept of Culture-Place, 1851–1915//American Studies. 1978. № 1.*
27. **What is Romantism** — *What is Romantism?//Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences, vol. 19. № 4.*